

ПРЕДИСЛОВИЕ

1. Настоящий сборник, в полном соответствии со своим названием, содержит материалы к новому грамматическому описанию русского языка, которое должно строиться с опорой на большой представительный корпус современного русского языка; в данном случае используется Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru). Подготовка такого описания ведется большой группой исследователей из Москвы и Санкт-Петербурга; координацию работы осуществляет Отдел корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Публикуемые фрагменты еще не являются грамматикой в точном смысле, но они дают представление о многих ее существенных чертах и позволяют понять, чем грамматика такого типа отличается от более традиционных описаний русского языка. По нашему замыслу, этот опыт должен быть интересен как специалистам в области корпусной лингвистики, общей теории языка и современной русистики, так и более широкому кругу читателей, в том числе и всем тем, кто обращается к грамматическим описаниям русского языка в справочных целях (учащимся, преподавателям, редакторам и т. п.).

Современный русский язык в целом относится к числу достаточно хорошо исследованных: существует немало общих грамматик русского языка (научных, учебных, справочных и т. п.), а частным вопросам русской грамматики посвящены многие тысячи работ. Из научных описаний русского языка, рассчитанных в первую очередь на специалистов (хотя не исключаящих и более широкую аудиторию), наиболее известны две так называемые «академические» грамматики [Виноградов (Ред.) 1960] и [Шведова (Ред.) 1980] (с последней тесно связана предшествовавшая ей грамматика [Шведова (Ред.) 1970] и последовавшая за ней [Шведова, Лопатин (Ред.) 1989]), а также «авторские» монографические описания [Аванесов, Сидоров 1945]; [Виноградов 1947]; [Исаченко 1954–1960]; [Garde 1980]; [Timberlake 2004] и ряд других, из которых стоит специально упомянуть нечасто цитируемый сжатый очерк [Панов 1966], содержащий немало оригинальных для своего времени идей. На все эти работы предлагаемое исследование, разумеется, опирается и по возможности учитывает всё то, что было сделано

предшественниками. Но от всех прежних описаний оно отличается прежде всего стратегией обращения с языковым материалом. Появление такого ресурса, как Национальный корпус русского языка, позволяет ввести в рассмотрение на несколько порядков более обширный и разнообразный массив языковых данных, причем возможной становится не только качественная, как во всех существующих грамматиках, но и количественная характеристика описываемых явлений; углубленному изучению оказываются доступны и такие аспекты (не всегда отражавшиеся в предшествующих описаниях), как языковая вариативность, «малые» диахронические изменения, соотношение продуктивных и непродуктивных явлений и ряд других.

Планируемое грамматическое описание будет состоять из двух больших разделов, условно называемых «морфологическим» (он включает описание словообразования, словоизменения и грамматических категорий) и «синтаксическим» (он включает описание явлений, относящихся как к элементарным клаузам, так и к полипредикативным структурам). На данном этапе разделы организованы как собрание отдельных статей, в целом сохраняющих содержательную и композиционную самостоятельность, но связанных друг с другом сетью перекрестных ссылок. Статьи имеют различный объем (примерно от 10 до 100 тыс. знаков); каждая из статей является авторской и может отражать специфику индивидуальной авторской трактовки обсуждаемых проблем. Наиболее детально описаны именные и глагольные грамматические категории, работа над остальными частями описания продолжается.

В настоящий сборник, первый в задуманной серии публикаций, вошло несколько статей, описывающих отдельные фрагменты русской глагольной системы. Другие предварительные материалы к корпусной грамматике (около пятидесяти статей разной степени готовности) размещены на сайте www.rusgram.ru. «Предвестником» настоящего сборника можно в определенном смысле считать публикацию «Корпусные исследования по русской грамматике» [Киселева и др. (Ред.) 2009], авторы которой в основном представляют тот же исследовательский коллектив и разделяют его идеологию. Сборник 2009 г. содержит, однако, статьи исследовательского, а не дескриптивного плана, гораздо более разнородные по форме и содержанию и не связанные непосредственно с проектом последовательного корпусного описания русского языка.

Настоящий сборник состоит из трех разделов. Первый раздел («Модальность и наклонение») посвящен глагольным категориям из семантической зоны модальности и включает статьи «Модальность» (автор

Е. В. Падучева), «Наклонение», «Сослагательное наклонение», «Повелительное наклонение» (автор всех статей Н. Р. Добрушина). Во втором разделе («Морфосинтаксис») описываются грамматические явления, связанные с аргументной структурой глагола: раздел включает статьи «Переходность» и «Возвратность» (автор обеих статей А. Б. Лутчий). Третий раздел («Система причастий») представляет собой фрагмент детального описания системы русских причастий, он включает статьи «Причастие» и «Страдательное причастие настоящего времени» (раздел целиком написан С. С. Саем).

Как можно видеть, основной принцип отбора статей для сборника точнее всего назвать иллюстративным. Общая задача сборника — не столько представить читателю законченное грамматическое описание, сколько — в том объеме, в каком это позволяет формат небольшого сборника статей, — познакомить его с принципами и структурой будущей корпусной грамматики. Глагольная проблематика выбрана как ключевая для морфологического описания. Внутри нее намечено несколько значимых — и при этом максимально далеких друг от друга — тем: система наклонений, глагольный морфосинтаксис, нефинитные формы. Эти темы освещены достаточно полно, хотя и не исчерпывающе. Например, в разделе, посвященном причастиям, подробно описаны только страдательные причастия, но не действительные (выбор обусловлен содержательной перекличкой со статьями «Возвратность» и «Переходность»); в «морфосинтаксическом» разделе не представлена в качестве отдельной темы статья «Залог». Внутри разделов сознательно — в иллюстративных целях — подобраны статьи разного иерархического уровня: общая статья «Причастие» и частная — «Страдательное причастие настоящего времени»; значительная по объему общетеоретическая статья «Модальность», короткая статья промежуточного уровня «Наклонение» (в значительной мере состоящая из ссылок на статьи, посвященные конкретным наклонениям) и частные эмпирически насыщенные статьи «Повелительное наклонение» и «Сослагательное наклонение». За рамками данного сборника остается также вся формальная морфология глагола и такие важные глагольные грамматические категории, как вид и время. Все эти темы планируется включить в следующие выпуски материалов к корпусной грамматике.

Несмотря на разнородность статей, обусловленную в том числе и индивидуальными различиями в авторских теоретических установках и в научном стиле (авторским и редакторским коллективом намеренно не проводилось жесткой унификации статей ни

на содержательном, ни на формальном уровне), статьи отражают некоторые общие принципы и обладают сходными элементами композиционной структуры. Жанр статей можно в целом охарактеризовать как дескриптивный. Однако помимо этого они (в большем или меньшем объеме) содержат и обзорную часть, в которой кратко представлены существующие точки зрения на описываемое явление (в частности, концепции и терминология традиционной русистики, как правило, сопоставляются с подходами, принятыми в работах по типологии и общей теории языка). Доля оригинальных исследований в статьях различается: в некоторых случаях она значительна (это естественно при обращении к ранее не рассматривавшемуся обширному эмпирическому материалу), другие статьи имеют в большей степени реферативный характер. Включение в статью не полностью оригинальных фрагментов не только допускалось, но и приветствовалось (особенно если автор статьи обращался к материалу неопубликованных докладов, диссертаций, курсовых и дипломных работ, часто труднодоступных, и т. п.): это объясняется жанром данной публикации, являющейся не в последнюю очередь справочным изданием, аккумулирующим опыт других исследователей. Разумеется, во всех таких случаях на соответствующие работы даются ссылки.

Основной эмпирической базой описания служит, как уже было сказано, Национальный корпус русского языка: почти все количественные и большинство «качественных» утверждений в статьях делаются именно относительно этого массива данных и верифицируются им же; это делает представленные утверждения более конкретными и проверяемыми по сравнению с теми, что встречаются в традиционных описаниях. Используются примеры, извлеченные, главным образом, из основного подкорпуса Национального корпуса¹; таким образом, настоящее описание (как и другие грамматики

¹ Объем этого подкорпуса в настоящее время составляет ок. 270 млн словоупотреблений; в качестве вспомогательных — в зависимости от конкретной цели — эпизодически привлекаются и данные других подкорпусов (устного, поэтического, газетного и т. п.). Также, в зависимости от конкретных задач, в некоторых фрагментах описания приводятся данные не всего доступного массива текстов, а специально подобранных пользовательских подкорпусов (например, только текстов со снятой омонимией, только текстов, созданных после 1950 г., только художественных текстов и т. п.). В качестве вспомогательного эмпирического материала — особенно если речь идет о низкочастотных и окказиональных явлениях — в ряде случаев используются языковые примеры, найденные с помощью различных поисковых систем в Интернете.

русского языка) ориентировано преимущественно на письменные тексты. Однако диапазон жанров, стилей и авторов этих текстов максимально разнообразен: в рассмотрение включены не только художественные (как в большинстве предшествующих описаний), но и научные, технические, официально-деловые тексты. Не пренебрегают авторы описаний и образцами неформальной спонтанной коммуникации (в том числе Интернет-коммуникации) — особенно в тех случаях, когда такие типы текстов содержат нетривиальные грамматические явления; в то же время систематическое исследование языковых особенностей подобных текстов находится за рамками настоящего издания. Временной диапазон текстов — с начала XVIII по начало XXI века — также несколько шире, чем в традиционных грамматиках, ориентирующихся в основном на литературные тексты с XIX по середину XX века. Такая установка позволяет ввести в описание большую временную динамику и выявить интересные тенденции эволюции грамматической системы русского языка на протяжении последних 300 лет его существования (в духе той программы, которая была в свое время намечена в многообещающих исследованиях [Виноградов 1934] и особенно [Виноградов, Шведова (Ред.) 1964], но по разным причинам не получила существенного развития в последующие годы).

2. Общих теоретических установок, которых в большей или меньшей степени твердо придерживались бы все авторы статей, как кажется, только три, но все они достаточно принципиальны — и не вполне обычны для жанра традиционной грамматики. Это, во-первых, ориентация на эмпирически верифицируемые и квантитативные данные, во-вторых, теоретическая нейтральность и открытость и, в-третьих, типологический ракурс описания. Остановимся на этих принципах немного подробнее, так как для понимания специфики настоящей публикации читателю важно представлять их себе максимально отчетливо.

Ориентация на эмпирические данные

Как следует из сказанного выше, настоящее описание более жестко, чем традиционные, привязано к определенному массиву данных, на которых оно эмпирически верифицируется: это весь обширный материал Национального корпуса русского языка. Описание жестко следует приоритету реальных языковых (т. е. корпусных) данных по отношению к потенциальным (что часто недооценивается в современных

лингвистических теориях, особенно «формальных»); соответственно, всюду в статьях по возможности минимизированы искусственные примеры, отрицательный языковой материал («примеры под звездочкой») и данные интроспекции. Этот принцип, однако, не доведен до абсурда: в тех местах, где подобный материал оказывается полезен или единственно доступен, он привлекается; там же, где ему есть возможность противопоставить эмпирические данные, — предпочитают последние.

В то же время следует иметь в виду, что эмпирическая составляющая в разных статьях сборника имеет разный удельный вес. Это обусловлено как личными предпочтениями авторов, так и — в наибольшей степени — спецификой темы и жанра статьи. Так, в теоретической статье Е. В. Падучевой «Модальность», в которой обсуждаются самые общие принципы организации соответствующей семантической зоны в русском языке, эмпирическая составляющая, что вполне естественно, сводится практически исключительно к тому, что большинство иллюстративных примеров взяты из Национального корпуса. С другой стороны, в более частной статье С. С. Сая «Страдательное причастие настоящего времени», где описываются морфологические, синтаксические, семантические особенности конкретных глагольных форм, роль эмпирических данных, ожидаемым образом, оказывается куда большей: помимо естественных примеров, здесь в значительном объеме приводятся количественные корпусные данные и применяются базовые техники статистической обработки.

Теоретическая нейтральность и открытость

Предлагаемое описание жестко не привязано ни к одной из существующих лингвистических теорий, что защищает его от распространенной опасности «устареть вместе с теорией» и призвано обеспечить доступность описания широкому кругу читателей. В частности, все авторы сборника намеренно избегают использования формального аппарата и узкоспециальных терминов, замкнутых в рамках определенных теоретических систем, предпочитая общепонятные и неформальные описания². Употребляемые термины — в том числе и достаточно известные — подробно поясняются. При этом описание мыслится как теоретически «открытое»: иначе говоря, перед авторами стоит задача, насколько это возможно, учесть и интегрировать результаты, полученные в рамках самых разных лингвистических подходов.

² Как известно, «[в]сякое хорошее формальное описание может быть изложено и неформально» [Кибрик 1992: 43].

Типологическая ориентация

В соответствии с установкой, которая представляется очень важной всему авторскому коллективу, материал русского языка подается в настоящем описании в типологическом ракурсе. В частности, традиционной для русистики терминологии в большинстве случаев предпочитается терминология общетипологическая, делающая описание доступным и не-русисту и открывающая возможности для дальнейшего межъязыкового сопоставления. При необходимости в иллюстративных целях приводятся сопоставительные данные других языков (хотя, опять же, такое сопоставление не является самоцелью). В этом отношении данное описание отчасти следует в русле таких работ, как недавняя монография [Князев 2007], являющаяся существенным шагом в области создания типологически ориентированной грамматики русского языка³.

Важным проявлением данной теоретической особенности настоящего описания является то, что исследуемые явления русского языка оцениваются с точки зрения их типологической частотности / уникальности и существования потенциальных аналогов в языках мира. Эмпирические данные русского языка — насколько это возможно — встраиваются авторами в различные классификации, разработанные на типологическом материале. Так, в статье С. С. Сая «Причастие» синтаксические типы употреблений русских причастий рассматриваются в рамках типологического исчисления классов употреблений адъективных лексем, предложенного Й. ван дер Ауверой и А. Л. Мальчуковым.

Принятая в статьях типологическая ориентация объясняет и то, что в рассмотрении зачастую включаются некоторые относительно периферийные для русского языка, но типологически существенные явления, важные для общей характеристики языковой системы (такова, например, лабильность глаголов, рассматриваемая в статье А. Б. Летушего «Переходность»: в русской грамматической традиции такой термин не использовался и данное явление в его единстве, как правило, не рассматривалось).

Таким образом, в целом можно констатировать, что в настоящем сборнике намечены контуры грамматики нового типа — дескриптивной,

³ Монография Ю. П. Князева, в свою очередь, существенно опирается на идеи Петербургской типологической школы, а также на подход «Теории функциональной грамматики» под ред. А. В. Бондарко (тт. 1–6, 1987–1996), в которой факты русского языка играют центральную роль в развиваемой этим кругом авторов грамматической теории.

теоретически нейтральной, корпусно-ориентированной, с отчетливым вниманием к квантитативному и типологическому аспекту описания; кроме того, данная грамматика отличается от предшествующих учетом значительно большего массива данных и большим временным диапазоном описываемых явлений (включая, тем самым, и минимальный диахронический компонент).

3. Говоря о корпусном подходе, следует специально отметить, что его возможности оказываются особенно эффективны, в частности, при изучении следующих четырех групп явлений.

Вариативность всех типов

Выше уже отмечалось, что языковая вариативность, остающаяся в тени в традиционных грамматических описаниях, ориентированных на норму и / или интроспекцию исследователя и не свободных от соблазнов сознательного и бессознательного прескриптивизма, особенно успешно изучается именно корпусными методами. Более того, корпус в каком-то смысле способствует выявлению вариативности в гораздо большем числе локусов языковой системы, чем это было принято считать ранее. Описание вариативности начинает интересовать русистов в 60-х — 70-х гг. XX века на фоне общего интереса к использованию количественных методов в лингвистике, ср. подробный инвентарь зон вариативности в русской грамматике и его обсуждение в [Граудина и др. 1976]; на более современном материале эта проблематика обсуждается, в частности, в [Крысин (Ред.) 2008]. Материал Национального корпуса позволяет вернуться к этой проблеме на новом уровне.

Особенно ценным корпусный материал оказывается при обращении к так называемым «свободным вариантам». Под «свободными» обычно имеют в виду варианты языковых единиц (морфем / аналитических показателей / синтаксических конструкций и т. п.), равно допустимые в разных контекстах и типах текстов на уровне качественных оценок («грамматично / неграмматично», «возможно / невозможно»). Однако количественный анализ практически всегда обнаруживает между ними значительные, хотя часто и не заметные при поверхностном взгляде различия.

Так, о «свободном» распределении (за пределами некоторых очевидных фонетических контекстов) обычно говорят применительно к вариантам показателя сослагательного наклонения *б* и *бы*. Между тем, в статье Н.Р. Добрушиной «Сослагательное наклонение» обсуждаются детальные корпусные данные по частотности этих вариантов

в разных типах синтаксических конструкций (в независимом употреблении, в условных и относительных придаточных и др.) и в разных типах текстов (устных, письменных художественных и письменных нехудожественных). Оказывается, в частности, что для варианта *бы* процент употреблений в зависимой части условной конструкции (*если бы...*) от общего числа употреблений значительно ниже, чем для варианта *б* (*если б...*); обнаруживаются и другие любопытные асимметрии. Аналогично, в статье С. С. Сая «Страдательное причастие настоящего времени» отдельный раздел посвящен конкуренции страдательных причастий с действительными причастиями на *-ся* (*называемый / называющийся*).

«Микродиахронические» языковые изменения

Тема синхронной вариативности тесно смыкается с темой «микродиахронических» сдвигов. Для большинства статей планируемой корпусной грамматики характерно внимание к этому аспекту: с точки зрения авторского коллектива, полнота описания не достижима без соединения синхронного описания фактов со знанием об их диахронической эволюции. В этом отношении «строго синхронная ориентация» описания является, вообще говоря, не просто иллюзорной, но и методологически нежелательной установкой. Подобный взгляд в лингвистике второй половины XX века, в принципе, не раз высказывался (в частности, Дж. Гринбергом и многими другими теоретиками); в русистике ранние образцы плодотворного применения такого подхода можно найти в ряде работ французских славистов П. Гарда и М. Гиро-Вебер («бисинхронный метод»; ср., например, [Гиро-Вебер 1996]); ср. также близкую идеологию, отстаиваемую в последних работах В. М. Живова, в особенности в монографии [Живов 2004]. Появление корпусов существенно усилило позиции сторонников подобных взглядов: это как раз тот случай, когда инструмент описания оказывается напрямую связан с выбором теоретической установки исследователя (подробнее об этом см. [Плунгян 2008]).

Настоящее описание, как уже говорилось, мыслится как ориентированное на современный русский язык в максимально широком временном диапазоне, то есть на период с XVIII по XXI век. Однако за три века в языке, естественно, происходят достаточно существенные изменения — как заметные «невооруженным глазом», так и выявляющиеся только на уровне количественных оценок данных. Материал Национального корпуса предоставляет для такого рода оценок достаточно возможностей.

Специальной задачи последовательно диахронического описания в настоящих статьях не ставится, однако отдельные «точечные» наблюдения такого рода — значимые в том числе и в свете вариативности, отмечаемой на синхронном уровне, — в них содержатся. Так, например, в статье С.С. Сая «Страдательное причастие настоящего времени» представлены детальные сведения о снижении частотности страдательных причастий настоящего времени в целом и в особенности частотности кратких форм описываемых причастий.

Сочетаемость

Особое внимание к сочетаемости языковых единиц характерно для приверженцев многих лингвистических теорий XX–XXI века (в том числе и для тех исследователей, которые, как Анна Вежбицкая или А.Е. Кибрик, считают сочетаемость ключом к более точному и глубокому описанию семантики).

Корпус и в этом случае предоставляет очень мощные технические возможности, позволяя естественным образом включить в грамматическое описание подробную информацию о сочетаемости — на разных уровнях: о сочетаемости морфем, словоформ, конструкций друг с другом, о возможности употребления той или иной морфемы при определенном классе лексем, той или иной формы в определенном синтаксическом контексте и т.п. Так, значительная часть статьи Н.Р. Добрушиной «Повелительное наклонение» посвящена подробному единообразному описанию непрямых употреблений императива (типа *а он возьми и скажи, не скажи он этого раньше* и т.п.) с точки зрения их морфологических и синтаксических сочетаемостных возможностей (возможности иметь выраженное подлежащее, наличия показателя множественного числа *-те*, сочетаемости с частицей *-ка* и др.). На основании всех этих эмпирических данных проводится сопоставление разных типов непрямых употреблений императива между собой и оценивается степень их формальной близости к собственно побудительным употреблением.

Отклонения от общих правил и «закрытые классы» единиц

Особое внимание в настоящем описании уделяется также разного рода «маргиналиям» — исключениям, отклонениям от общих правил, непродуктивным явлениям, закрытым и ограниченным классам лексем. Р.О. Якобсону приписывается утверждение, что он хотел бы видеть такую грамматику, в которой при перечислении языковых фактов и примеров никогда не встречались бы слова «и так далее»: все

приводимые списки были бы исчерпывающими⁴. В лингвистике XX века подобная стратегия описания редка — одним из известных исключений является знаменитая монография [Зализняк 1967], но в этой работе речь идет о словоизменении, где избежать «и так далее» в некоторой степени проще. Во всяком случае, появление корпуса и здесь оказывает исследователю мощную поддержку, позволяя во многих случаях представить описываемый массив данных как конечный.

Материал Национального корпуса оказывается достаточно представителен для того, чтобы учесть подобного рода информацию. Так, в статье А. Б. Летучего «Переходность» очень подробно описывается непродуктивный в русском языке класс лабильных глаголов (глаголов с варьированием по переходности, ср. *лет воду* — *вода лет*). Для каждого из подклассов таких глаголов (которых в описании выделяется в общей сложности двенадцать) приводится представительный или исчерпывающий (в зависимости от продуктивности подкласса) список входящих в него глаголов; описываются правила выбора той или иной модели управления, в том числе очень тонкие и касающиеся конкретных лексем.

Исчерпывающие или близкие к исчерпывающим лексические списки разного рода, составленные на материале Национального корпуса, приводятся в статье Н. Р. Добрушиной «Сослагательное наклонение». Например, перечисляются глаголы, допускающие употребление форм сослагательного наклонения при субъекте 1-го лица в переносном, прагматическом употреблении (*как я бы вам посоветовал*); предикаты, способные вводить sentенциальный акт с союзом *чтобы* и сослагательным наклонением (как, например, *стремиться к тому, чтобы*); глаголы и существительные, индуцирующие использование сослагательного наклонения в относительных придаточных (как, например, *искать*, ср.: *...искали компанию, которая взялась бы за прокладку тонеля...*).

4. В заключение перечислим некоторые композиционные и технические соглашения, принятые в настоящем сборнике.

Каждая статья начинается с «определения», в котором дается краткая характеристика описываемого явления. За ним следует сжатый «синописис» статьи, далее сам текст статьи (единого жесткого композиционного шаблона авторами и редакторами сборника не предполагалось)

⁴ См., например: Вяч. Вс. Иванов. О Романе Якобсоне (Главы из воспоминаний) // Звезда, 7. 1999.

и завершающий статью библиографический список (к каждой статье дается отдельная библиография). В некоторых статьях имеется самостоятельный раздел «Статистика», в который вынесены общие количественные характеристики описываемого явления, в других количественные данные приводятся в основном тексте статьи.

В тексте для удобства читателя даются многочисленные отсылки к другим разделам той же статьи и к другим статьям настоящего сборника. В принципе, вошедшие в сборник статьи предполагают, естественно, не менее многочисленные отсылки и к другим частям грамматики, оставшимся за рамками настоящего сборника, но все статьи, как мы надеемся, композиционно и содержательно достаточно автономны, чтобы отсутствие этих подразумеваемых отсылок не затрудняло чтение.

Иллюстративные примеры, используемые в статьях, пронумерованы (в каждой статье отдельная нумерация) и снабжены указанием на источник. Поскольку подавляющее большинство примеров взяты из Национального корпуса русского языка, источник в таких примерах указывается в формате, принятом в этом корпусе (иногда в несколько сокращенном виде): автор, название, год создания — в квадратных скобках. Для естественных языковых примеров, полученных из других источников, этот источник указывается в круглых скобках. Если это художественный текст, то указывается его автор и название, для текстов бытовой Интернет-коммуникации — ссылка на сайт (иногда с краткой характеристикой источника вида «форум», «блог»). Для примеров из других лингвистических работ дается ссылка на соответствующую работу (пример из [...]), немногочисленные примеры, не снабженные указанием на источник в квадратных или круглых скобках, являются искусственными.

Настоящий сборник стал результатом труда очень большого числа людей. Невозможно даже перечислить всех, кто в той или иной форме способствовал его выходу в свет. Помимо четырех редакторов сборника (Е.Р. Добрушиной, В.А. Плунгяна, Е.В. Рахилиной и Н.М. Стойновой) и непосредственно авторов публикуемых статей (Н.Р. Добрушиной, А.Б. Летучего, Е.В. Падучевой и С.С. Сая), постоянными участниками еженедельных семинаров по русской корпусной грамматике в Институте русского языка были В.Ю. Апресян, М.Д. Воейкова, Ю.П. Князев, Г.И. Кустова, О.Н. Ляшевская, О.Е. Пекелис, В.И. Подлесская, Д.В. Сичинава, Л.П. Стунжас, М.А. Холодилова и др. Мы хотели бы также поблагодарить консультантов проекта И.Б. Иткина и Я.Г. Тестельца, А.М. Молдована, неизменно поддерживавшего все

наши начинания, С. О. Савчук и Е. А. Гришину (1958–2016), без вклада которых в создание Национального корпуса русского языка не было бы и настоящей грамматики. Особая признательность — рецензентам сборника Л. Л. Иомдину и Н. К. Онипенко, замечания которых способствовали устранению многих недочетов.

Библиография

- Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка. М.: Учпедгиз. 1945.
- Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М. 1934. (3-е изд. — М. 1982).
- Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.–Л.: Учпедгиз. 1947. (4-е изд., испр. — М.: Русский язык. 2001).
- Виноградов В. В. (Ред.) Грамматика русского языка. М.: АН СССР. 1960. Т. 1–2.
- Виноградов В. В., Шведова Н. Ю. (Ред.) Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. М.: Наука. 1964.
- Гиро-Вебер М. Бисинхронный метод описания прилагательного в предикативной позиции в современном русском языке // А. В. Бондарко (Ред.) Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность. СПб.: Наука. 1996. С. 65–78.
- Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи (опыт частотно-стилистического словаря вариантов). М.: Наука. 1976.
- Живов В. М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М.: Языки славянской культуры. 2004.
- Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М. 1967 (Переизд. — М.: Языки славянской культуры. 2002).
- Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. I–II. 1954–1960 (2-е изд. — Братислава. 1965, репринт: М.: Языки славянской культуры. 2003).
- Кибрик А. Е. Лингвистические постулаты // Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М.: МГУ. 1992.
- Киселева К. Л., Плунгян В. А., Рахилина Е. В., Татевосов С. Г. (Ред.) Корпусные исследования по русской грамматике. Сборник статей. М.: Пробел-2000. 2009.
- Князев Ю. П. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур. 2007.
- Крысин Л. П. (Ред.). Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. М.: Языки славянских культур. 2008.

- Панов М. В. Русский язык // В. В. Виноградов и др. (Ред.). Языки народов СССР. Т. I: Индоевропейские языки. М.: Наука. 1966. С. 55–122.
- Плунгян В. А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении, 16(2). 2008. С. 7–20.
- Шведова Н. Ю. (Ред.) Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука. 1970.
- Шведова Н. Ю. (Ред.) Русская грамматика. М.: Наука. 1980. Т. I–II.
- Шведова Н. Ю., Лопатин В. В. (Ред.) Краткая русская грамматика. М.: Русский язык. 1989 (2-е изд. — 2002).
- Garde P. Grammaire russe: Phonologie et morphologie. Paris: Institut d'études slaves. 1980 (2 éd. — 1998).
- Timberlake A. A reference grammar of Russian. Cambridge: Cambridge University Press. 2004.

Н. М. Стойнова, В. А. Плунгян

I. МОДАЛЬНОСТЬ И НАКЛОНЕНИЕ

МОДАЛЬНОСТЬ

Модальность — это понятийная категория, которая характеризует: а) отношение говорящего к содержанию высказывания, или б) статус обозначенной в нем ситуации по отношению к реальному миру, или в) иллокутивную силу, т. е. коммуникативную цель говорящего. В грамматике модальность выражается прежде всего **наклонением**. Например, в предложении *Не уверен, что Маша пришла бы* сослагательное наклонение выражает тот факт, что ситуация прихода Маши является гипотетической, а не реальной. В предложении *Вот бы пришла Маша!* сослагательное наклонение выражает желательность той же ситуации для говорящего. В предложении *Уходи, Маша!* повелительное наклонение выражает побуждение к действию. Модальные значения выражаются и многими другими способами — конструкциями (*Быть бычку на веревочке*), вводными словами (*наверно*), модальными глаголами и предикативами (типа *мочь, можно, нужно*), частицами (*все-таки*) и проч.

1. Модальность как понятийная категория
 - 1.1. Три типа модальных значений
 - 1.2. Модальность и смежные явления: отрицание, оценка, эвиденциальность
 - 1.3. Модальность как эгоцентрическая категория
2. Модальность и наклонение
 - 2.1. Модальность как экстраполированное наклонение
 - 2.2. Проблема совместимости модальных значений
 - 2.3. Изъявительное наклонение и снятая утвердительность
 - 2.4. Сослагательное наклонение
 - 2.4.1. Синтаксически подчиненная позиция
 - 2.4.2. Синтаксически независимая позиция
 - 2.5. Совместимость модальностей разных типов
3. Иллокутивная модальность
 - 3.1. Грамматическая иллокутивность: повествовательные, побудительные и вопросительные предложения
 - 3.2. Ассертивный иллокутивный тип и частные иллокутивы на базе ассертивов

- 3.3. Императивный иллокутивный тип и частные иллокутивы на базе императива
 - 3.3.1. Речевые действия и перформативные глаголы
 - 3.3.2. Побудительные речевые акты. Три примера
 - 3.3.3. Дополнительные сведения об императивном предложении
- 3.4. Вопросительная грамматическая иллокутивность; частные иллокутивы
- 3.5. Иллокутивные употребления союзов
- 4. «Субъективная» модальность
 - 4.1. Модальности возможность и необходимость
 - 4.1.1. Онтологическая, деонтическая и эпистемическая возможность и необходимость
 - 4.1.2. Нелексические показатели возможности и необходимости
 - 4.1.3. Возможность и необходимость в модальной логике
 - 4.2. Субъективная модальность, выражаемая наклонением
 - 4.3. Субъективная модальность, выражаемая конструкциями
 - 4.4. Субъективная модальность, выражаемая вводными словами
 - 4.4.1. Некоторые классы вводных слов и их свойства
 - 4.4.2. Синтаксическая подчинимость вводных слов
 - 4.4.3. Всегда ли подразумеваемый субъект вводного слова — говорящий?
- 5. Библиография

1. Модальность как понятийная категория

1.1. Три типа модальных значений

Термин **модальность** используется для обозначения широкого круга разнородных явлений. К сфере модальности относят следующие группы значений.

а) Противопоставление по признаку **реальность — ирреальность**, ср. *Он стал чемпионом мира* (реальная модальность) и *<Ему надо было выиграть последнюю партию — тогда> он стал бы чемпионом мира* (ирреальная модальность). Это так называемая **«объективная»** модальность, которая выражается грамматической категорией наклонения — а именно, оппозицией индикатив vs. сослагательное наклонение, см. п.2, а также статью Сослагательное наклонение.

б) Противопоставление высказываний по **иллокутивной силе** (в традиционной терминологии это «тип предложения по цели высказывания»): высказывания и предложения бывают повествовательные, побудительные, вопросительные: *Дети ушли*; *Дети, уходите!*; *Ушли ли дети?* Соответственно, говорят об **утвердительной** (ассертивной), **побудительной** и **вопросительной** «иллокутивной модальности». Имеются также более частные иллокутивные типы. Иллокутивная сила выражается наклонением (в частности, повелительным),

вопросительными словами и частицами, интонацией и множеством конструкций «малого синтаксиса» (*Что бы тебе с ней познакомиться!* — побуждение), см. п.3.

в) К сфере модальности относятся также значения, которые выражают отношение говорящего к тому, о чем он сообщает, — т. е. психологическую или ментальную **установку** говорящего, propositional attitude, или attitude of the mind, например желательность, гипотетичность, сомнение и под. Это так называемая «**субъективная модальность**», см. [Виноградов 1975]; [Грамматика 1980(II): 214–236]. Субъективно-модальные значения выражаются сослагательным наклонением в оптативном (желательном) значении (см. Сослагательное наклонение / п.2.3), а также: вводными словами и словосочетаниями, специальными конструкциями, частицами и междометиями, порядком слов и интонацией. Все эти граммемы, слова и конструкции в своей семантике предполагают говорящего — при этом говорящий не является при них эксплицитно выраженным субъектом: *Ну и дождь! Вот дождь так дождь! Уж и дождь! Дождь и дождь! Тот еще был дождь! Наверно, дождь! Надо же, дождь!* Эти значения часто бывают экспрессивно окрашены. Как синоним можно использовать термин **установочная модальность**. (В [Плунгян 2011: 424] эта модальность фигурирует как «**оценочная**».) См. п.4.

г) Начиная с Аристотеля, модальными принято называть значения **возможности** (*До вокзала можно доехать на трамвае*) и **необходимости** (*Ты должен ей помочь*). В русском языке возможность и необходимость выражаются лексически (глаголами, предикативами, вводными словами, частицами), а также конструкциями — прежде всего инфинитивными: *Тебя не убедить* (= ‘нельзя убедить’, отрицание возможности), *Мне завтра дежурить* (= ‘надо дежурить’, необходимость). Есть языки (например, венгерский, японский), где подобные значения выражаются морфологически. Значения возможность и необходимость, особенно в своей **эпистемической** (связанной со знанием) и **деонтической** (связанной с долгом) разновидности, естественно примыкают к зоне субъективной модальности. См. о них п.4.1.

Итак, можно различить три сферы модальности в русском языке — объективную, субъективную и иллокутивную. Именно эти три сферы модальности различаются и в целом в языках мира, см., например, [Foley, Van Valin 1984: 214]; в [Le Querler 1996] они называются, соответственно, объективная, субъективная и интерсубъектная.

В отличие от времени, вида или лица, модальность не выражается в русском языке никакой единой грамматической категорией

(наклонение выражает многие модальные значения, но не все). Однако модальность — это одно из важных для русского языка **грамматических значений** (грамматических в типологическом смысле, т. е. потенциально способных обслуживаться грамматикой — не в смысле грамматического значения по Якобсону [Якобсон 1959]; похожее место в русской грамматике занимает, например, определенность): модальность — это элемент «универсального грамматического набора» [Плунгян 2011: 94–95]. Далее речь идет о **русской грамматической модальности**, т. е. о модальности, которая выражается в русском языке грамматически — морфологически или синтаксически.

Что касается значений возможность и необходимость, то в ряде европейских языков глаголы, выражающие возможность и необходимость, называются модальными и относятся к сфере грамматики в силу своих морфологических особенностей, так что выражаемые ими значения причисляются к грамматической модальности автоматически. В русском языке показатели возможности и необходимости морфологически ничем не выделяются (см., впрочем, п.2.4.2). Однако и в русском языке эти слова относятся к сфере грамматической модальности, поскольку они имеют специальные **синтаксические рефлексy**. В частности, показатели возможности и необходимости имплицитно, в некоторых употреблениях, эгоцентрический **модальный субъект**, отличный от подлежащего (в [Плунгян 2011: 435] отмечено, что появление говорящего как субъекта модального показателя свидетельствует о грамматикализации показателя). Другой возможный синтаксический рефлекс лексического модального показателя — **синтаксическая неподчинимость**, см. п.3.2, п.4.2; это тоже основание для того, чтобы считать лексическую единицу с модальным значением объектом грамматики.

Иллокутивные противопоставления в русской грамматической традиции не относят к сфере модальности: они составляют отдельный параметр. Так, в [Грамматика 1960(II): 353–367] повествовательные, вопросительные и побудительные предложения рассматриваются как «классы предложений по цели высказывания». Однако в [Грамматика 1980(I): 215] возможность включения иллокутивных значений в число модальных в принципе не отвергается. (Эти значения включены в число модальных, например, в [Бондарко и др. 1990].) В самом деле, если причислить к сфере модальности объективную и субъективную модальность, то и иллокутивную нужно включить туда же: императив, как и индикатив, — это наклонение, а значение наклонения — это модальное значение, см. ниже п.2.1. См. в [Palmer 1986: 14–23] о связи

наклонения и модальности и в [Lyons 1977: 828] о семантической близости императива и деонтической (см. п.4.1.1) модальности.

В содержании высказывания обычно можно различить модальный показатель и **пропозицию** (см. о пропозиции [Lyons 1977: 452] и обзор в [Падучева 1985: 34–40]) — что примерно соответствует «модусу» и «диктуму» в терминологии Шарля Балли, см. [Балли 1955]. Следует, однако, иметь в виду, что пропозиция может содержать модальный оператор (такой как *возможно* или *нужно*) или предикат пропозициональной установки (типа *желательно*, *жалко*), т.е. быть **модализованной**. Так, во фразе *Ты, возможно, забыл о нашей договоренности?* сферу действия, т.е. диктум, одного модального показателя, вопроса, составляет пропозиция с другим модальным показателем — *возможно*. Термины Балли поэтому не всегда удобны: Балли исходит из того, что модус иерархически выше, чем диктум, а на самом деле диктум (по отношению к какому-то модусу) может сам содержать в себе модус.

В особом положении находятся показатели иллокутивной модальности: они действительно выражают такой модус, который не может входить в диктум, т.е. неподчинимый, см. п.3.2. Так, предложение с *должен*, которое выражает деонтическую модальность, субъективную, подчинимо (*Мама считает, что ты должен ей помочь*), а предложение с императивом, который выражает близкую по смыслу, но иллокутивную модальность, — нет: **Мама считает, что помоги ей* (см. о неподчинимости императива Повелительное наклонение / п.3.3). Иллокутивный показатель не может даже входить в сферу действия отрицания — отрицание при императиве выражает не отрицание в обычном смысле слова, а новый речевой акт (так, *Открой дверь!* — **побуждение**, а *Не открывай дверь!* — **прохибитив**), см. Повелительное наклонение. Впрочем, и здесь есть исключения; о возможной подчинимости иллокутивных показателей см. п.3.5.

Итак, понятийных центров в сфере модальности не два, как иногда считают (ср. [Плунгян 2011: 423]), а три: модальность выражает а) отношение высказывания к действительности; б) отношение говорящего к содержанию высказывания и в) коммуникативную цель высказывания.

Граница между иллокутивной и субъективной модальностью не всегда четкая. Так, ирония — это речевой акт, т.е. иллокутивная модальность; но ирония может быть экспрессивным способом выражения отрицания, а экспрессия — это сфера субъективной модальности. В [Грамматика 1980(II): 216] к сфере субъективной модальности относятся значения типа согласие / несогласие, приятие / неприятие <высказывания собеседника>, одобрение, порицание, осуждение, призыв,